

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Хертек Лидия Кенденовна

КОНЦЕПТ "ПРОСТРАНСТВО" В ЭПИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматривается специфика восприятия и вербальной репрезентации концепта "пространство" в эпической картине мира. Исследование производится путем анализа семантики языковых единиц, объективирующих концепт "пространство". В результате исследования было установлено, что концепт "пространство" как особый тип этнокультурного концепта отражает национально-культурную и аксиологическую специфику эпической картины мира. Автор подчеркивает, что эпическое пространство с его многослойностью в вертикальной проекции и основополагающим свойством бескрайности в горизонтальной плоскости отвечает мировосприятию носителей тувинской эпической традиции, глубинной реальности их мифопоэтического сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 402-407. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.42

Дата поступления рукописи: 18.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

В статье рассматривается специфика восприятия и вербальной репрезентации концепта «пространство» в эпической картине мира. Исследование производится путем анализа семантики языковых единиц, объективирующих концепт «пространство». В результате исследования было установлено, что концепт «пространство» как особый тип этнокультурного концепта отражает национально-культурную и аксиологическую специфику эпической картины мира. Автор подчеркивает, что эпическое пространство с его многослойностью в вертикальной проекции и основополагающим свойством бескрайности в горизонтальной плоскости отвечает мировосприятию носителей тувинской эпической традиции, глубинной реальности их мифопоэтического сознания.

Ключевые слова и фразы: концепт; эпическая картина мира; тувинские героические сказания; эпический дискурс; лексема; лексическое значение.

Хертек Лидия Кенденовна, к. филол. н.

Тувинский государственный университет, г. Кызыл

lidia.hertek@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В ЭПИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В научной литературе последних лет широкое распространение получили исследования категорий пространства и времени как наиболее универсальных и сложных концептуально-языковых категорий. Их описание невозможно без обращения к эпическому фольклору, поскольку именно в этом лингвокультурном пласте константы пространства и времени играли исключительно важную роль как важнейшие элементы архаичной эпической картины мира.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения языка тувинского эпоса, в частности, лексика тувинских героических сказаний до сих пор не получила систематического описания. Научная новизна работы состоит в том, что впервые в тувинской лингвофольклористике предпринимается исследование эпического дискурса как формы репрезентации эпической картины мира, элементами которой являются концепты. Ученые сегодня сходятся во мнении, что эпическая картина мира совмещает в себе концептуальную и языковую картины мира, отраженные в эпосе [7-9; 14; 20; 21]. Именно поэтому исследования эпической картины мира сосредоточены главным образом на описании концептов и установлении связей между ними.

Мы считаем справедливым замечание исследователей о том, что в фольклоре пространство неразрывно связано со временем, с которым оно находится в отношении взаимовлияния, взаимоопределения, составляет с ним единый пространственно-временной континуум [4; 12; 13, с. 27; 18]. В этой связи, изучая пространство как один из важнейших элементов архаичной эпической модели мира и как особый концепт, мы принимаем во внимание его взаимосвязь со временем.

Цель исследования – выявить концептуально-значимую лексику с пространственным значением, изучить особенности ее функционирования в эпическом дискурсе.

Объектом исследования стала репрезентируемая эпическим языком и отраженная в дискурсе пространственная лексика, образующая концепт «пространство».

Материалом исследования послужили тексты сказаний «Алдай-Буучу», «Мого Шагаан-Тоолай», «Танаа-Херел», «Тон-Аралчын хаан», «Хан-Шилги аъттыг Хан-Хулук», «Арзылан-Кара аъттыг Чечен-Кара Мого», изданные в серии «Памятники устного народного творчества» в 6 томах [1; 3; 11; 15; 17; 19]. Данная серия является первой научной публикацией эпических сказаний на тувинском языке, сохранившей подлинную народную речь во всех ее диалектных и архаических формах. Также были изучены тексты тувинских сказаний «Хунан-Кара», «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», опубликованные в двуязычном издании академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [5; 22]. Кроме того, по причине отсутствия научного издания сказания «Алдай-Сумбер», очень показательного и важного для нашего исследования, была привлечена архивная рукописная запись, сделанная сказителем в 1959 году [2].

Концепт «пространство» (*тув.* «делгем») в тувинском языковом сознании представляет собой неограниченную протяженность во всех направлениях. Слово «делгем» как философская категория в «Толковом словаре тувинского языка» определяется следующим образом: 1. филос. Вид бесконечной развивающейся материи (наряду со временем) [16, с. 414].

В картине мира, какой она представлена в тувинском героическом эпосе, пространство, прежде всего, разворачивается во времени. Описывается эпоха (*тув.* «шаг») «на плечах раннего времени, раньше древнего времени» (*тув.* «Эрте шагнын эктинде, // Бурун шагнын мурнунда»), которое является отправной точкой рождения мира – тогда появляется пространство и рождается эпический герой. Эпическое пространство, центром которого является гора Сумбер-Уула («Сумбер-Уула тей турар шагда» – Сумбер-Уула холмиком) и озеро Сут-Хол («Сут-Хол шалбаа турар шагда» – Когда (озеро) Сут-Хол было лужицей), является сакральной субстанцией, связанной с древними мифологическими представлениями об эпохе первотворения [17, с. 142]. Кроме того, в тувинском эпосе сохранились архаические представления о таком макропространстве,

как Мать-земля – «Чер-ие». Образ величественной и плодоносящей всеобщей Матери-земли предстает в виде мифического великого темного духа прародительницы и передается устойчивым сочетанием «Мать-земля», которое присутствует во всех тувинских героических сказаниях (далее – ТГС).

Главный герой ТГС живет в пространстве, имеющем четкие границы, которые определяются при помощи выражения «эжелей торээн чурт» (букв. земля, на которой родился и которой владел) [6, с. 37]. Например: «Чиге сонгу чукте Чинге Кара-Хемни эжелей чурттаан». / «Жил, владея прямо северной стороной (реки) Чинге Кара-Хем» [11, с. 19]; «Хурээ-Кызыл тайганын белин эжелей чурттаан». / «Жил, владея у подножья тайги Хурээ-Кызыл» [19, с. 3]; «Элдир-Кара хем белдирин чурттаан». / «Жил у слияния реки Элдир-Кара» [5, с. 298]; «Шил-Тайга, Шилен-Тайганын // Баарын эжелей чурттаан». / «Жил, владея у подножья Шил-Тайга, Шилен-Тайга» [3, с. 100]; «Хууртун-Кызыл тайганы эжелей торээн». / «Родившийся и живущий у подножья Хууртун-Кызыл тайги» [1, с. 3] (перевод автора статьи. – Л. Х.). Определяющее слово в данных словосочетаниях – глагол «чурттаан» (букв. жил) и однокоренное с ним существительное «чурт» (букв. страна либо земля). Эти лексемы вербализуют понятия «родная земля», «свое пространство».

В изображении родной земли героя можно выявить основные пространственные точки – это возвышенность, родовая гора, которая вербализована лексемой «тайга» – лесистая гора, и водоём, названный «хем» – река, реке «хол» – озеро. Эти сакральные центры объективируются в ТГС топонимами: Сумбер-Уула, Сут-Хол, Арзайты, Арызы, Оууру, Тандызы, Шил-даг, Шилен-даг, Элдир-Кара хем, Чинге Кара-Хем и др. Любопытно, что большинство эпических топонимов до сих пор сохранились как наименования реальных географических объектов на территории современной Тувы. Следует отметить, что родовая гора и река не являются просто фоновыми объектами, герои всех ТГС непременно выезжают в тайгу на охоту, более того, добыча мифического зверя часто оказывается первым подвигом богатыря. Изображение его охотничьей удали оказывается одновременно описанием богатства тайги, многообразия ее животного и растительного мира: упоминаются деревья из горного леса, маралы и маралухи, архары и горные козлы. Например: Богатырь «криками “айт-дойт!” погнав (зверей) // С заднего склона горы на этот ее склон, // Тридцать-сорок маралов, маралух подстрелил, сразил; // Криками “айт-дойт!” погнав (зверей) с этого склона (горы) // На задний ее склон, // Шестьдесят-семьдесят архаров-кошкараров // Подстрелил, сразил; туши собрал, // Вырвал деревья в горном лесу, притащил» (перевод А. В. Кудиярова) [10, с. 475-477]. / тув. «Тандынын аар ийинден // “Айт-дойт!” дээш, бээр ийге дужуруп, // Үжен-дортен сыын-мыйгаан кыра хомелеп, // Бээр ийинден “айт-дойт!” дээш, // Аар ийинге дужуруп, // Алдан-чеден аргар-кошкарларын // Кыра хомээлеп эккелгеш, // Аргасаяан аа-хоо соп эккелгеш» [5, с. 474-476].

Земли героев ТГС предстают как весьма обширные территории: южный и северный склоны горы, богатырь «владеющий нижней стеклянной Корзайты тайгой, в которой 60 дней можно охотиться, верхней стеклянной Корзайты тайгой, в которой 30 дней можно охотиться». / тув. «Алдан хонук аннаар Алдыы Корзайты шил тайгалыг, // Ужен хонук аннаар Устуу Корзайты шил тайгалыг», протекают воды золотого ручья и серебряного ручья, растут священные деревья Ала-Сандан, Агар-Сандан и т.д. Сказитель как бы обозревает землю героя, наполняет свое изображение деталями: герой живет в юрте, обязательно рядом есть баглааш (коновязь), имеется народ (пастухи), животные – боевой конь протагониста или мифические собаки Эгер, Казар, или улуг Хамбаре, биче Хамбаре и др. Все эти детали наделены семантической нагрузкой: коновязь не просто столб для привязывания коня, но «демир сандан баглааш» – железная, из алоэ-дерева сделанная (попутно отметим, что коновязь в традиционной тувинской культуре воспринимается как сакральный предмет); юрта «тозан аът долганых четпес докулчак ак ог / оргээ» – белая юрта, которую девяноста коням не охватить кругом (перевод автора статьи. – Л. Х.). Иногда герой изначально живет в доме, построенном из костей и покрытом шкурами. Обращает на себя внимание, что пространство заполнено всем тем, что так или иначе его организует, ничего лишнего в этих описаниях мы не обнаружим. В этом смысле все детали важны и обязательны, имеют сакральное значение, вне этих деталей, элементов и строгих предписаний в их использовании эпическое пространство не существует.

Особый интерес представляют случаи употребления словосочетания «оонун орну» – место, где стояла юрта для обозначения разоренного дома. Здесь семантическое поле «свое пространство» сужается до понятия «ог» – дом, жилище.

Значимость в эпосе имеет и ориентация по сторонам света: «чиге барыын-мурнуу чукте» – прямо в западно-южную сторону, «чиге мурнуу чугун шиглээш» – прямо в южную сторону; «чиге сонгу чугундуве» – прямо в северную сторону; «ыт чиге сонгаар корунген» – собака смотрела прямо на север; «арзайтынын оуур талазы» – южная сторона горы Арзайты и др. Подобных примеров в текстах ТГС встречается достаточно много. Юг и восток в традиционном сознании всегда ассоциировались с благом (юрта тувинцев всегда обращена дверью восток, у эрзинских тувинцев дверь ставили с южной стороны), и наоборот, север – чужая сторона.

Таким образом, «свое» пространство – это владения героя, семантическое поле строится на основе представления об идеальном жизненном пространстве. Описание владений героя являет собой панорамное изображение с указанием сторон света, с перечислением всех значимых сакральных элементов и воспринимается как место рождения и владения героя, выражает концептуальный признак «родина». Семантическое поле «свое пространство» объективируется в ТГС через лексемы: глаголом «чурттаан» – жил, существительными «чурт» – страна либо земля, «аал-коданы» – стойбище, «аал-чурту» – родина, «чери» – земля, «оонун орну» – место, где стояла юрта, встречается и устойчивое сочетание «аал-оран, ак мал» – родной дом, белый скот.

Для обозначения больших единиц пространства в эпосе используется образ пути. Следует напомнить, что все герои тувинских сказаний все сюжетное время проводят в дороге. И именно изображение перемещения героя в пространстве в ТГС становится описанием самого пространства: «**Тандызынга** ужудуп, // **Хову-зунга** дужуруп, // **Бедиинге** ужудуп, // **Белинге** дужуруп». / «Над Танды взлетая, // В стенах снижаясь, // Где высоко, взлетал, // Где низко, снижался» [15, с. 125] (перевод автора статьи. – Л. Х.). «Аян-Кула хоя-хоя душ-кулээрге, // Кодан дег чери ойлуп, чаштап, // Дайзы-дайзы баскылаарга, // Даг даштар сопкуненип бадып // Булуттугун адаа-биле, // Будуктугун кыры-биле, // Бедиинин белинге дээп, // Чавызынын бажын базып, // Хемчигештерни кеже халып, // Артчыгаштарны ажа халып, // Кургаг черин хуюксудуп, // Ол черин ортензиди ужугуп, // Чоруп олуруп тур эвеспе» [Там же, с. 330]. / «Где Аян-Кула, едва касаясь земли, ступал – // Комья земли с зайца величиной отлетали, // Где скользя-подскальзываясь ступал; // С гор, срываясь, камни летели вниз. // Мчался ниже небес с облаками, // Выше деревьев с ветвями; // Где высокие горы – по склонам ступал, // Где низкие горы – по вершинам ступал; // Через речки перепрыгивал, // Через малые перевалы перескакивал, // Сухие места выжигая, // Голые места воспламеняя, // Так, оказалось, скакал» (перевод А. В. Кудиярова) [10, с. 331]. Как видно, пространство имеет свойство разворачиваться в длину – «чер аразы ырап-даа келген» – расстояние удлинилось, высоту – «бедиинге ужудуп» – где высоко, взлетал, «чавызынын бажын базып» – где низко, по вершинам ступал, т.е. в тувинском эпосе оно не одномерно-линейное, но обладает протяженностью во всех направлениях: герой ТГС отправляется в запредельные земли, поднимается над землей, спускается под землю, может направиться в любую из четырех сторон света.

Герой ТГС находится в постоянном движении, он обязательно отправляется в трудный путь, цель которого чаще всего – героическое сватовство или борьба с чудовищами. В пути герой встречает множество естественно-географических, ландшафтных препятствий. Например, богатырь Алдай-Сумбер действует как преобразователь мира. Он усмиряет бурлящее бешеное море, сбросив в него две скалы, создает дорогу через перевал, переправу через реку, при этом свои действия герой всегда сопровождает заклинаниями: «Сонгу ачы-уреге суксун болур сыксак **кара суг** болза болгай, болбаза болбаай». / «Для последующих поколений если будет **родником**, пусть будет, если не будет, значит не будет»; «**Чалым хаяны** чанчарады аткаш, сонгу ачы-уреге ажар ажыг болган-дыр деп бодап чоруп тур». / «Разрушив выстрелом (преграждавшую) отвесную **скалу**, подумал, что это дорога для будущего поколения»; «Хем деп чуве кежиглиг, **арт** деп чуве ажыглыг, **арыг-арга** узук-чириктиг-ле боор». / «**Река** должна иметь переправу, **перевал** – дорогу, лес – возможность через него пройти» [2, с. 17] (перевод автора статьи. – Л. Х.). В данном отрывке можно выделить такие значимые для описания местности лексемы, как «кара суг» – родник, «чалым хая» – отвесная скала, «хем» – река, «арт» – перевал, «арыг-арга» – лес. Герои ТГС очень часто изменяют вид земной поверхности, делая его удобным для проживания. Эти преобразования носят культурно-героический характер.

Движение в пути как бы подтверждает действительность самого пространства, «пробегаемого» этим путем: «Будуктуг ыаштын кыры-биле, // Булуттуг дээрнин адаа-биле, // Бедик чернин **белинге** бастырып, // Чавыс чернин **бажынга** бастырып, // Кодан черни хоора бастырып, // Хой дег дашты чуура бастырып, // Хап чоруп каан чувези иргин». / *букв.* «Выше деревьев с ветвями, // Ниже небес с облаками, // Где высокие горы – по их **поясу** ступал, // Где низкие горы – **по головам** ступал; // Комья земли с зайца величиной отлетали, // Камни с овцу величиной дробились, // Так мчался он» [17, с. 150]. Обращает на себя внимание, что в эпической парадигме становится возможным объединение лексем со значением «элементы пространства» и «части человеческого тела»: голова горы, подножье горы, рот земли. Еще примеры: «Улуг сарыг хем баткан чыдар, // Оон **аксында** улуг сарыг хову ортузунда». / «Большая желтая река протекает, // Рядом (*букв.* во рту) есть большая желтая степь» [11, с. 18]; «чер **аксы**» – рот земли [15, с. 131] (перевод автора статьи. – Л. Х.). Такой способ описания, когда представление о внешнем мире оказывается мотивированным человеческим телом, известен многим архаичным культурам. Образ пространства в ТГС в этом отношении – один из наиболее ярких примеров. Кроме того, в тувинской топонимике встречаются наименования, состоящие из слов, обозначающих части тела человека: Суг-**Бажы** – *букв.* Голова воды, Суг-**Аксы** – *букв.* Рот воды, Хову-**Аксы** – *букв.* Рот степи и др. О подобном культурном феномене В. Н. Топоров писал, что в «соотношении мира (пространства) и Первочеловека (тела) первичен антропоморфичный код, с помощью которого описывается Вселенная... человек может различать и соответственно описывать только то, что есть или, точнее, имеет соответствие в самом человеческом организме...» [18, с. 244-245].

Интересно описание дальности пройденного пути посредством обветшания одежды героя: «Бир боданып чоруурга, алангы эдээ адынын аксынын ковуунге ирип калыр чеде берген, // Черинден унгеш, чем-даа ишпээн, // **Чер аразы ырап-даа келген**» [5, с. 330]. / «Ехала и вдруг подумала: // “Наружная пола у меня от пены из пасти коня / Сопрела, ветхой стала”» (перевод А. В. Кудиярова) [10, с. 331].

В описании пути часто обнаруживается связь со временем. Так, герой собирается в путь расстоянием в месяц – «**айлык черже**», год – «**чылдык черни**» [17, с. 143]. Но и время втягивается в пространственное движение: «Чылдык черни айлык бодап, // Айлык черни хонук бодап, хап чорааш, // Бедик кара танды кырынга уне хап кээрге, // Ындында улуг ак хол чыгкан». / «Скакала, про путь годовой как месячный думая, // Про месячный путь как про суточный думая. На высокую черную гору прискакала, // Вдали большое светлое озеро» [5, с. 333]. В следующем примере долгота пути характеризуется уже признаками времен года: «Та чежеге, кажанга чоруп келген чуве, // Кыш болганын хыраадан билип, // Хылырадыр челзип, // Чай болганын шалынындан билип, // Шалырадыр челзип чорааш». / «Долго ли, коротко ли ехал (он), // Зимой по инею узнавал, // Летом по росе узнавал» [17, с. 152] (перевод автора статьи. – Л. Х.).

Таким образом, пространство раскрывается через движение в пути, путь выступает как сущность пространства в таких измерениях, как бескрайность, беспредельность. Путь подтверждает действительность пространства через такие значимые элементы, как «хем» – река, «арга-арыг» – лес, «арт» – перевал, «кургаг чер» – сухие места, «ол черин» – сырые места и др.

Движение в пути также служит средством структурирования эпического пространства в вертикальной проекции – Верхний мир, Средний мир, Нижний мир. Эта вертикальная ось являет собой своеобразную модель Вселенной – «чамбы-дип». Понятие Вселенной в ТГС вербализуется несколькими лексемами: «чамбы-дип», «делегей», «оран-делегей», «ортемчей».

Как сакрально отмеченный ярус рассматривается Верхний мир, который вербализуется лексемами: «Устуу-Оран» (*букв.* Верхний мир), именем верховного божества «Курбусту-хаан», «Дээр-ада» (*букв.* Небо-отец). Попутно отметим, что в шаманских мифах Верхний мир также предстает иногда многослойным, и эти слои кратны трем – девять небес «тос дээр», девяносто девять «тозан тос сагызын». Описание Верхнего мира часто повторяет Средний мир.

Нижний мир в ТГС иногда в буквальном смысле располагается под землей – «чер иштинде». В одном из ТГС главный герой попадает в Нижний мир через земное отверстие – «рот земли» (*тув.* «чер аксы») [15, с. 131]. Нижний мир населяют хтонические существа, включая самого повелителя Нижнего мира Эрлик-Ловун-Хаана. Например: «Адыгыр-Кара-мангыс чер иштинде, // Кизи сири-биле хулуттунуп алгаш, чыдыр, // Адыгыр-Кара-мангыс чус хонгаш-ла, // Чус кижинин баарын чиир амытан-дыр». / «Чудовище Адыгыр-Кара-мангыс под землей // Лежит, обвязавшись человеческими сухожилиями, // Адыгыр-Кара-мангыс каждые сто дней // Поедает печень у ста человек, // Такое вот чудовище» [17, с. 165] (перевод автора статьи. – Л. Х.).

Земля героя занимает срединное положение между Верхним и Нижним мирами, но при этом это промежуточное пространство именуется в ТГС по отношению к Верхнему миру также «Алды оран» – Нижний мир, либо «бо оран» – этот мир, либо «сарыг ортемчей» – светлый мир. Но несомненно одно: что человек ставит себя в центр пространственной модели, эпический герой обитает в месте, над которым есть Верхний мир – «Устуу оран», под которым есть Нижний мир – «Алды оран, чер ишти».

Верх не всегда ассоциируется у носителей тувинской эпической традиции с благом, созиданием и спасением. Верхний мир может таить угрозу, препятствие, опасность, которые, в случае их устранения либо преодоления, открывают доступ к сакральным ценностям (невеста Алдын-дангына). В ТГС главный персонаж – богатырь исключительных качеств, имеющий мифологическое происхождение. И только он способен перемещаться по вертикали между мирами. Добавим, что подобный мотив, несомненно, опирается на обрядовую практику шаманизма, когда шаман во время камлания осуществляет переход между мирами и частенько спускается в подземный мир.

Путь героя ведет из защищенного пространства «своей земли» в место все возрастающей неопределенности, опасности. Степень чужеродности возрастает по мере удаления от «своей» земли. Но само движение в пути нейтрализует противопоставление «своего» и «чужого». Конец пути – выход героя за предел, границу «своего» мира в «чужое пространство», и его совершение – признак отмеченности, исключительности. На запредельной земле он раскрывает свои главные качества воина и мифологического демиурга.

Перейдем к анализу семантики языковых единиц, объективирующих концепт «чужое пространство». Пространство, в которое попадает герой, имеет все признаки иного мира: «Дуюглуг чуве четпес, // Ушкан куштун чуу хыралып каар, ырак чер». / «Копытное животное не дойдет, // У летевшей птицы перья рассыпаются, // Такое далекое место» [Там же, с. 149-150]; «Шулбустайнын оран черинде // Куйт дээр кускун-даа чок, // Сайт дээр сааскан-даа чок, // Мындыг оран болган». / «В стране Шулбустая нет ворона, // Который бы куйт прокричал, // Нет даже сороки, // Которая бы сайт прокричала, // Такая вот страна» [Там же, с. 152]; «Кажан шагда урелген, // Чамырык куу бажын турган». / «Давным-давно разрушенное // Криво серое жилище стояло»; «Элеш дээр чуве-даа чок». / «Ничего не шелохнется» [Там же]; «Оьду-даа, суу-даа оо-хоран, // Дуюглуг чувенин дуоу дурлуп каар, // Чуглуг куштун чуу савалып каар // Кончуг берге чер чуве». / «Растительность и вода отравленные, // Копытное животное не дойдет, // У летевшей птицы перья рассыплются, // Такое тяжелое место, оказывается» [15, с. 115] (перевод автора статьи. – Л. Х.). Характерный признак иного пространства – безжизненность. Нет ни одного живого существа, ничего не шелохнется, полное безмолвие. Иное пространство здесь находит себя в пустоте и безмолвии. Любопытно, что водоем чужой земли – море (*тув.* «далай»), описание которого сопровождается эпитетами ядовитое – «хоран далайнын эриинде» (*букв.* на берегу ядовитого моря) или бешеное – «Калчаа далай». На «своей земле» моря никогда не бывает, там протекает река, бьют родники. Вероятно, море – стихия, неведомая носителю эпической традиции, оттого воспринимается как нечто страшное и вредное.

«Чужое пространство» вербализуется при помощи сочетаний «Устуу-оран», «Алды-оран», «чер ишти» – под землей, «чер аксы» – рот земли, «ырак оран» – далекая страна, в которых ключевой лексемой выступает «оран». Слово «оран» воспринимается носителями языка двояко: мир или местность. Но в эпическом контексте в семантической структуре лексемы «оран» возникает негативный коннотативный компонент, который усиливается в указанных сочетаниях.

Как показало исследование, мировидение народа обусловлено как естественными (физическими) условиями их жизни, так и представлениями мифологического порядка. Архаическое мифопоэтическое мировосприятие четко выстраивает пространство в системе универсальных семиотических оппозиций: «свое» –

«чужое» пространство, сакральное – профанное, далекое – близкое, восток – запад, север – юг, темное – светлое, теплое – холодное, мужской – женский (невеста героя находится на «чужой» территории).

Проведенное исследование позволило выявить, что концепт «пространство» как особый тип этнокультурного концепта учитывает национально-культурную и аксиологическую специфику эпической картины мира. В тувинской эпической традиции картина мира является отражением архаического мифопоэтического сознания, воспринимающего пространство в системе универсальных семиотических оппозиций «свое» – «чужое». Соответственно, вся концептуально-значимая лексика с пространственным значением в эпическом дискурсе подвергается аксиологической дифференциации. Поэтому в ходе анализа ключевые лексемы, объективирующие концепт «пространство», мы разделили их на две группы: лексемы, представляющие семантическое поле «свое пространство»; лексемы, представляющие семантическое поле «чужое пространство». В особую группу мы вычленили лексемы, представляющие семантическое поле «Вселенная».

Анализ семантики основных лексем («аал-чурт», «аал-кодан», «аал-оран», «бо оран», «чери», «оонун орну»), репрезентирующих поле «свое пространство», показал, что в структуре их лексического значения имеются прототипические признаки «родина, родная земля». Именно они находят отражение в словарных значениях этих лексем. Это значение составляет ядро концепта «свое пространство». Остальные компоненты значения (бесконечность, бескрайность, путь) можно трактовать как периферийные.

Лексем, представляющих семантическое поле «чужое пространство», несколько («Устуу-оран», «Алды-оран», «чер ишти» – под землей, «чер аксы» – рот земли, «шулбустайнын ораны» – страна шулбустая – мифического чудовища, «ырак оран»), но ключевой является лексема «оран», которой чаще всего обозначается «чужое пространство». Специфика «оран» заключается в том, что в структуре его значения мифологический коннотативный компонент становится доминирующим. Это связано с тем, что лексема в эпическом контексте начинает проецировать определенные негативно-окрашенные смыслы, выходящие за пределы его основного значения, отражающие глобальное семиотическое противопоставление «свой – чужой».

В целом анализ основных лексем с пространственным значением выявляет в структуре их семантики добавочные смыслы, коннотативные приращения, исторически и культурно обусловленные мировоззрением тувинцев. Специфика представления пространства в ТГС предопределена также спецификой самого жанра. Концепт «пространство» вбирает в себя многие характеристики, приобретает специфическое содержание, подчиняясь эстетике эпической героики.

Список источников

1. **Алдай-Буучу** // Тувинские героические сказания: в 6-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1993. Т. 2. С. 3-96.
2. **«Алдай-Сумбер»: тувинские героические сказания** / сказитель О. Н. Маннай; запись текста Х. Д. Ооржака // Фольклорный фонд Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований. Т. 23. Д. 113 “а”, “б”.
3. **Арзылан-Кара аъттыг Чечен-Кара Мого** // Тувинские героические сказания: в 6-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1996. Т. 5. С. 100-157.
4. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
5. **Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей** // Тувинские героические сказания: в 60-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. Т. 12. С. 298-527.
6. **Гребнев Л. В.** Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М.: Восточная литература, 1960. 145 с.
7. **Гуревич А. Я.** Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 5-26.
8. **Давлеткулов А. Х.** Картина мира в народном эпосе (анализ мировоззренческого содержания эпических сказаний башкир): автореф. дисс. ... к. филос. н. Уфа, 1991. 18 с.
9. **Кубрякова Е. С.** В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
10. **Кудияров А. В.** Перевод текстов, комментарии к переводу // Тувинские героические сказания: в 60-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. Т. 12. С. 55-527.
11. **Мого Шагаан-Тоолай** // Тувинские героические сказания: в 6-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. Т. 1. С. 13-100.
12. **Неклюдов С. Ю.** Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В. Я. Проппа. М.: Наука, 1975. С. 182-190.
13. **Пропп В. Я.** Специфика фольклора // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 16-33.
14. **Путилов Б. Н.** Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 288 с.
15. **Танаа-Херел** // Тувинские героические сказания: в 6-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. Т. 1. С. 101-141.
16. **Толковый словарь тувинского языка** / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2003. 579 с.
17. **Тон-Аралчын хаан** // Тувинские героические сказания: в 6-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. Т. 1. С. 142-174.
18. **Топоров В. Н.** Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227-285.
19. **Хан-Шилги аъттыг Хан-Хулук** // Тувинские героические сказания: в 6-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1996. Т. 5. С. 3-60.

20. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта; Наука, 2005. 184 с.
21. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1992. 137 с.
22. Хунан-Кара // Тувинские героические сказания: в 60-ти т. / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. Т. 12. С. 54-297.

THE CONCEPT "SPACE" IN THE EPIC WORLD VIEW

Khertek Lidiya Kendenovna, Ph. D. in Philology
Tuvan State University, Kyzyl
lidia.hertek@yandex.ru

The article considers the specificity of the perception and verbal representation of the concept "space" in the epic world view. The paper analyzes the semantics of the linguistic units that objectify the concept "space". As a result of the research it is ascertained that the concept "space" as a special type of the ethno-cultural concept represents the national-cultural and axiological specificity of the epic world view. The author emphasizes that the epic space with its multilayeredness in the vertical projection and the fundamental property of endlessness in the horizontal plane corresponds to the world perception of the bearers of the Tuvan epic tradition, the deep reality of their mythopoetic consciousness.

Key words and phrases: concept; epic world view; Tuvan heroic tales; epic discourse; lexeme; lexical meaning.

УДК 81'37

Дата поступления рукописи: 05.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.47>

Проблема изучения лексико-семантических связей слов является одной из центральных в современной лексикологии. В статье проанализирована специфика лексической сочетаемости лексемы «сплетня» с прилагательными двух лексико-семантических групп со значением «пространственная локализованность» и «временная характеристика». Делается вывод о том, что базовая пространственная характеристика лексемы «сплетня» реализуется через такой локус, как «город», понимаемый как многофакторное сложное социальное и культурное образование, а базовая временная характеристика «сплетни» представляет собой континуум по шкале «характеристика момента возникновения».

Ключевые слова и фразы: лексическая сочетаемость; лексическое значение; пространственно-временной континуум; метонимизация; метафоризация; явление «сплетня».

Шейко Дарья Владимировна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
dashejko@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ АДЪЕКТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ ЛЕКСЕМЫ «СПЛЕТНЯ»

Введение. Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение синтагматике – «один из двух аспектов изучения системы языка, анализ особых синтагматических отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [10]. Таким образом, синтагматика представляет собой правила сочетаемости одноуровневых языковых единиц. Исходя из взглядов современной лингвистики, эти правила не существуют сами по себе, т.к. «они мотивированы содержательными свойствами слова» [14, с. 9].

Сочетаемость слова определяется его валентностью, отражающей структурно значимое свойство лексического знака: в ней зафиксирована не только типовая сочетаемость данной единицы с другими, но и всевозможные позиции знака, определяемые множеством контекстов, в которых она функционирует.

Обладая потенциальной сочетаемостью на уровне языка (валентностью), слово, погруженное в контекст, актуализирует в своем содержании те или иные семы, что позволяет ему расширять свою смысловую структуру. Этот механизм в целом можно свести к следующей схеме:

- 1) выделение отдельных сем (речь может идти и о периферийных, и потенциальных семах);
- 2) «наведение» (термин И. А. Стернина) [15, с. 51], под которым подразумевается, что в лексическое значение искомого слова могут входить отдельные компоненты, ему не свойственные, но присутствующие в семантике его контекстуального окружения. С точки зрения Э. В. Кузнецовой, «актуализация может коснуться и такого элемента, как внутренняя форма слова» [9, с. 88]. Семантическое согласование слов («законы связи словесных значений» в терминологии В. В. Виноградова [6, с. 158]) имеет и когнитивное обоснование, т.к. в структуре знаков должны присутствовать интегрирующие концептуальные признаки партнеров, находящихся в общем контекстуальном окружении (несмотря на то, что они могут иметь разное семантическое наполнение и, следовательно, входить в разные семантические группы). При этом «сцепка» может осуществляться как по ядерным компонентам значения, так и по его периферийной зоне. Проблемы изучения лексической